

ТРАДИЦИИ ЖАНРА ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСПОВЕДИ В ПРИХОДСКОЙ ПРОЗЕ XXI в.: КОНТЕКСТЫ «НАСТАВНИЧЕСТВО» И «ТОВАРИЩЕСТВО»

Исследуется своеобразие российской современной приходской прозы с точки зрения отражения в ней традиций жанра литературной исповеди. На материале произведений А. Дьяченко, А. Шантаева, А. Лисняка, Тихона (Шевкунова) раскрывается специфика типичной для православной литературы ситуации пересечения пастыря с иными персонажами, рассматриваются способы художественного изображения данных пересечений и особенности внутренней реакции на них со стороны повествователя. При этом основной акцент делается на контекстах «наставничество» и «товарищество». Материалом для анализа становятся как наиболее типичные, так и уникальные коммуникативные модели, а также локусы взаимодействия персонажей и особенности образной системы приходских рассказов.

Ключевые слова: литература духовного реализма; православная художественная проза; приходская проза; литературная исповедь; наставничество; товарищество.

Современный этап развития литературного процесса в России характеризуется вниманием ряда отечественных писателей к нравственно-философским и религиозно-христианским проблемам, актуальным для современного человека и общества в целом. Все чаще приходится слышать о формировании нового литературного явления, связанного с традициями православной словесности, создателями которого становятся как вставшие на путь писательства священнослужители, так и верующие миряне. О научном интересе к подобным тенденциям свидетельствует появление ряда диссертационных исследований, монографий, учебных пособий, статей. Наиболее остро в настоящий момент стоит вопрос о терминологическом обозначении данного литературного явления. Филологами предлагается ряд определений, которые, на первый взгляд, могут восприниматься синонимичными, однако при более детальном рассмотрении обнаруживается, что обозначенные направления имеют индивидуальный набор содержательных и эстетических характеристик либо находятся в родовидовых отношениях друг с другом.

В современной науке особую популярность приобретает термин «духовный реализм». По мнению В.А. Редькина, исследуемый феномен «предполагает православный тип мировосприятия художника и соответствующую систему ценностей» [1. С. 71]. Анализируя различные подходы к осмыслению корпуса текстов художественной литературы, отражающих проблемы духовно-религиозного состояния человека (в том числе и нашего современника), В.В. Волков, И.В. Гладилина, Л.Н. Скаковская склонны понимать термин «литература духовного реализма» в качестве обобщающего. Как отмечают исследователи, «во-первых, речь идет не обязательно именно о Православии, во-вторых, не обязательно в литературе духовного реализма открыто декларируется религиозность или, тем более, конфессиональная принадлежность автора или персонажа» [2. С. 49]. Размышления о специфике духовного реализма и его отражении в творчестве отдельных писателей можно найти в работах И.А. Казанцевой [3] и В.В. Рецова [4].

Н.В. Пращерук, исследуя творчество современных православных авторов, использует термин «литературная духовная проза», которая воспринимается ученым как метажанровое явление, включающее сле-

дующие разновидности: фрагмент, паломнический очерк, автобиографическую повесть и другие. С точки зрения ученого, «ценностно-структурное ядро этой прозы составили произведения с преобладанием автобиографического и документального дискурса, с особым статусом повествовательного “я” и установкой на символическую (иконическую) модель мира» [5. С. 7].

В работах М.С. Красняковой [6], А.А. Моториной [7] используется термин «православная проза», который указывает на более четкую ориентацию авторов на религиозно-православную ценностную систему, включающую этический, метафизический и институциональный (конфессиональный) аспекты. В этом смысле определения «православная проза» и «литературная духовная проза» сближаются и могут восприниматься как синонимичные.

В монографии И.С. Леонова и В.А. Корепановой [8] жанровая и стилевая многоплановость православной литературы не отрицается. Однако же основное внимание авторы уделяются двум ее направлениям: миссионерскому и приходскому. Миссионерскую прозу составляют тексты, общая установка которых связана с разработкой и презентацией типичных моделей прихода к вере и воцерковления современного человека. Для этого могут использоваться реалистичные ходы: познание Бога через болезнь, несчастье, одиночество, а также благодаря знакомству с людьми, имеющими богатый опыт духовной жизни. Ряд писателей разрабатывают ситуацию «встреча с чудом», за которой следует обращение персонажа к миру русского православия. К сюжетам миссионерской прозы можно отнести отдельные явления фантастического или фэнтезийного планов: путешествие героев по вымышленным мирам, попадание в компьютерную игру, знакомство с загробной реальностью и т.д.

Вторая тенденция православной литературы связана с возникновением по-своему уникального явления – **приходской** прозы, создателями которой становятся исключительно лица, обладающие духовным саном и опытом приходского служения. По этой причине синонимичным, но не тождественным в полной мере может являться предлагаемое В. Капланом [9] и В. Кононенко [10] определение «священническая (иерейская) проза», указывающее на отражение в литературных текстах опыта пастырского служения авторов. Для приходской прозы характерны установка

на автобиографизм, изображение широкого этнографического контекста, социальную открытость (образ священника раскрывается через общение с односельчанами), психологизм, внимание к деталям. Подобная литература за редким исключением не предполагает вымышленных ситуаций и персонажей.

Миссионерская и приходская литературные тенденции отличаются друг от друга в силу специфики авторских задач. В первом случае доминирует установка на воцерковление читателя, желание писателя через яркие образы и сюжеты привлечь внимание человека к православному миру и церковной традиции. Во втором – акцент делается на изображении повседневной жизни российской глубинки, воспринимаемой и оцениваемой православным пастырем не всегда с однозначных позиций.

Таким образом, «приходская проза» является видовым понятием по отношению к «православной художественной литературе» (как вариант – «литературная духовная проза»), подразумевающему различные в жанровом и стилевом отношении явления. При этом православная литература может восприниматься как часть более широкого и многоаспектного явления – духовного реализма, актуализирующего вопросы метафизики и аксиологии в художественной словесности без четкой религиозной и конфессиональной закреплённости.

Следует оговориться, что под конфессиональной закреплённостью приходской литературы подразумевается не ограничение в выборе тем и проблем, а их авторская интерпретация и оценка. В центре изображения приходских повестей и рассказов находится мир православной общины в единстве его сакрального и институционального понимания. С одной стороны, православная церковь воспринимается авторами как метафизический организм, соединяющий Божественную и земную реальности. С другой, церковный приход – общественный институт, который невозможно воспринимать изолированно от социальных, психологических, ментальных противоречий современного человека. Именно институциональный аспект церковной действительности позволяет приходским писателям более широко и многогранно изображать жизнь современной российской глубинки, что подтверждают слова писателя и этнографа протоиерея Александра Шантаева: «Церковный приход по своей сути представляет участие верных в совершении главнейшего и первейшего христианского Таинства – Евхаристии, а всеми прочими сторонами и гранями распахнут в актуальную действительность, открыт всему фронту истории и народной культуры» [11. С. 11].

Результатом изучения особенностей приходской прозы становится выявление в ней черт жанра литературной исповеди. В качестве содержательной доминанты исповеди М.А. Жиркова выделяет события внутреннего плана. По мысли исследователя, в исповедальном повествовании жизнь внешняя не имеет художественной ценности, развитие действия создается напряжением духовной жизни [12]. Очевидно, что для приходских рассказов внешний событийный ряд теряет актуальность по сравнению с тем, как эти события отражаются во внутреннем мире персонажа.

Так, случайные встречи, беседы, события, свидетелем которых становится повествователь, услышанные им реплики или суждения других людей ценны не сами по себе, а как элементы формируемой в сознании пастыря единой картины мира с ее ценностно-метафизическим вектором – Промыслом Создателя.

По мнению С.И. Патрикеева, «круг поисков исповедального пра-источника значительно сузится, если вести речь не о передаче опыта вообще, а преимущественно о передаче опыта духовного, что подразумевает уже более высокий уровень человеческого сознания» [13. С. 4]. Далее исследователь отмечает: «Являясь вполне определенной жанровой реальностью, исповедь вместе с тем существует как бы на стыке других многочисленных жанров: религиозной исповеди и молитвы, проповеди, поучения и монолога, жития и автобиографии и т.д.» [Там же].

Данное суждение представляется справедливым для произведений Я. Шипова, А. Шантаева, А. Лисняка, А. Дьяченко, Тихона (Шевкунова) и других авторов-священно-служителей, в творчестве которых достаточно глубоко представлены богослужебно-обрядовый, молитвенный, проповеднический, житийный аспекты. Очевидно, что повествователь постоянно балансирует на границе сакральной и бытовой, богослужебной и житейской сторон действительности. При изображении таинства исповеди, совершаемого в доме умирающего человека, православные авторы, с одной стороны, включают в тексты слова молитв и церковных песнопений, элементы проповеди, напутствия. В этой ситуации священник занимает позицию говорящего; иные персонажи выполняют роль слушателей: «В беседах у ложа умирающих людей, предвещающих исповедь, непременно приходится говорить о загробной участи, Суде Божиим, искать совместной оценки прожитой жизни, предупреждать возможные страх и отчаяние» [11. С. 73–74]. Бытовая сторона разворачиваемой ситуации также становится очевидной. Совершая таинство, священник обращает внимание на детали интерьера, убранство комнаты, особо его внимание могут привлекать находящиеся на стене фотографии, что позволяет ему провести своеобразную реконструкцию судьбы исповедника, открыть для себя новые смыслы происходящих на данном этапе событий, лучше понять Промысел Божий. В этом случае происходит трансформация его образа: из активного, говорящего он становится созерцающим, молчаливым свидетелем: «Вычитываю продолжительное последование, в паузах посматриваю на фотографии. На одной – сама бабка Наталья (умирающая. – И.Л.) лет пятнадцать, а может, и двадцать назад с мальчиком первоклассником» [14. С. 153].

Знаковой особенностью приходской прозы, отличающей ее от других направлений православной художественной словесности, является особая направленность вектора авторского восприятия. Если в миссионерской прозе, создаваемой чаще всего писателями-мирянами, доминирует взгляд из внешнего мира, направленный на церковь, допускающий при этом элементы идеализации, снятия противоречий и конфликтов, то в приходской прозе восприятие повествователя имеет обратный характер: *из храма – в мир*.

Автор-священник предстает неразрывно слитым с приходским пространством, становится его своеобразным центром, а также адресатом апеллирования как со стороны членов общины, так и людей из внешнего мира, носителей секулярной ментальности. Выполняя не только богослужебно-обрядовую, но и социальную функцию, рассказчик постоянно оказывается в ситуации *выхода за пределы приходского пространства*, что сопровождается рядом латентных (реже – явных) конфликтов, возникающих между ним и иными персонажами приходских очерков и рассказов.

Ситуация *выхода* вовсе не означает видимое, формальное пересечение пастырем границы территории храма. Пребывание внутри приходского мира не всегда оберегает священника от психологических противоречий и скрытой конфликтности. Иными словами, даже близкие священнику люди несут печать секулярного мира, что не позволяет повествователю быть полностью открытым, освободиться от внутреннего сдерживающего фактора. Пример тому можно найти в рассказе А. Шантаева «Проходимец». Вспоминая о преступнике, выдававшем себя за священнослужителя, прихожанка храма отмечает: «Не похож он был на священника <...> нет у него такой *анатмии* (курсив наш. – И.Л.), как у священников» [14. С. 233]. Интересен комментарий повествователя: «В своей живописной речи, какую я не в силах воспроизвести во всей полноте, Галина умеет порой вернуть неожиданное словцо, которое покажется поначалу будто бы и нелепым, но, с другой стороны, невероятно уместным» [Там же. С. 233–234].

О скрыто противоречивом характере взаимодействия священника и мирян свидетельствует присутствующий во многих произведениях приходской литературы *мотив молчания* (немного свидетельства), возникающий в эпизодах пересечений пастыря и мирян. Данный мотив проявляется в ситуациях апеллирования человека к духовному опыту священнослужителя, а также в случае встречи с персонажем-оппонентом. Следует признать, что рассказчик часто уходит от ответа на вопросы, не комментирует вслух высказываемые персонажами суждения. Однако подобное внешнее молчание не является следствием равнодушия или полной отстраненности от проблем мира, находящегося «за церковной оградой». Комплекс внешних воздействий, обладающих скрытым или явным конфликтным потенциалом, порождает глубокую внутреннюю реакцию священнослужителя, которая может проявляться как во время процесса коммуникации, так и быть отсроченной. Интерпретация подобных ситуаций (встречи, беседы, бытовые эпизоды), их осмысление с позиций православной этики и метафизики становятся своеобразным содержательным ядром священнической прозы, а также дополнительно свидетельствует о проявлении элементов жанра литературной исповеди в приходских повестях и рассказах. В этом смысле справедливыми представляются размышления М.В. Михайловой, отмечающей, что «литературная исповедь стремится к подробному, детальному, психологизированному описанию всех событий и движений души» [15. С. 11].

Специфику реакции пастыря-повествователя на события внешнего мира предлагается представить в виде следующих двухчастных формул, где под связкой *реплика / монолог* понимается высказывание говорящего, за которым следует внутренняя реакция пастыря:

- реплика / монолог – анализ;
- реплика / монолог – прогноз;
- реплика / монолог – молитва.

Пример реализации формулы *реплика / монолог – анализ* можно найти в книге протоиерея Александра Шантаева «Между небом и Львами». Речь идет об эпизоде, в котором повествуется о знакомстве вновь прибывшего на новое место служения священника с местными рабочими. Формирование образа нового знакомого подчинено следующей схеме: внимание к собственным физиологическим ощущениям (головная боль) – реплика рабочего комментирующего характера (о магнитных бурях) – восприятия обонятельного комплекса (запах перегара в салоне автомобиля) – анализ сложившейся ситуации, выход на проблему нравственной и социальной деградации русского села.

В рассказе без заглавия того же автора, входящим в цикл «Асина память», коммуникация повествователя и случайного попутчика выстроена по формуле *реплика / монолог – прогноз*. Так, высказанная участником коммуникации мысль «И для чего человек живет? Родился, пожил, и нет его...» [14. С. 175] наталкивает повествователя на размышления о возможном духовном перерождении человека, его скрытом поиске Бога. Осмысление реплики сопровождается вниманием к портрету мужчины, отмечается ироничное, «дурашливое» выражение его лица, что позволяет священнику сделать неутешительный прогноз: «За словами его, сказанными от сердца, невзначай вырвавшимися из души, наверняка ничего не последует: задумываться он не станет, предпочтет попросту отмахнуться» [Там же].

Формула *реплика / монолог – молитва* актуализируется при возникновении явной конфликтной ситуации, возникающей между повествователем и персонажем-оппонентом. В качестве примера можно обратиться к рассказу протоиерея Алексия Лисняка «Сеятели бисера». Вынужденное пребывание повествователя на автобусной остановке с подвыпившим прапорщиком приводит к монологу со стороны последнего, содержащему явную негативную оценку церкви и ее служителей. Молитва, произносимая шепотом или про себя, в данном контексте становится своеобразной метафизической и психологической защитой на выраженную вербальную агрессию: «Над городом плывет густой звон со всех окрестных колоколен. Мурлыкаю про себя “Христос воскрес из мертвых”, как ночью на службе запало. Стараюсь не слушать собеседника, который все бубнит и бубнит» [16. С. 177–178].

Выше были рассмотрены наиболее частотные коммуникативные модели, встречающиеся в приходской литературе. Реализация данных формул становится наиболее актуальной для контекста взаимодействия пастыря-повествователя с «пограничным» [17], реже – с «сопутствующим» персонажем [18].

Следует признать, что приходская проза предлагает широкий спектр контекстов взаимодействия пастыря-повествователя с иными персонажами, различными по степени духовной направленности и конфессиональной принадлежности. В приходской литературе священник представлен в нескольких ракурсах: совершатель богослужений и треб, проповедник, наставник, администратор, семьянин (муж, отец), друг и т.д. Особую значимость для исследования представляют типы взаимоотношений, позволяющие глубоко раскрыть образ пастыря в двух аспектах: религиозно-сакральном (наставничество) и частном (товарищество).

К числу наиболее интересных, предполагающих наличие уникальных коммуникационных моделей, можно отнести контекст *наставничества*. В данном случае ранее предложенные формулы взаимодействия персонажей трансформируются, подвергаются усложнению за счет третьего элемента, отражающего специфику дополнительной (более поздней) оценки случившегося. К таким формулам можно отнести:

– реплика / монолог – протест – примирение;

– реплика / монолог – принятие – осознанное принятие.

Контекст наставничества предполагает, что во взаимодействие вступают люди, обладающие различным духовным, богослужебным и жизненным опытом. При реализации функции наставничества наблюдается установка на четкую иерархичность: старший священнослужитель занимает позицию говорящего, младший (или готовящийся к принятию сана), – слушающего. Смена ролей в подобных случаях не предусмотрена. Данная трансформация обусловлена тем, что потенциальный или действующий священнослужитель принимает на себя новую, редко обозначенную в приходской прозе позицию – ученическую.

Указанные ситуации во многом связаны со статусом человека, являющегося адресатом высказываний наставнического характера, а также целями, которыми руководствуются оба персонажа, вступая в процесс взаимодействия. Функция наставничества может быть реализована в двух контекстах: официальном (по решению церковного начальства) и связанным с феноменом духовничества, который предполагает добровольное избрание наставника и принятие обязательства следовать его советам.

Формула *реплика / монолог – протест – примирение* актуализируется при реализации наставнической функции в ситуации передачи богослужебного опыта начинающему священнику, иллюстрирует которую рассказ священника Александра Дьяченко «Посвящение». В нем повествуется о рукоположении и первых неделях службы, проходящих под руководством клириков кафедрального собора. В данном случае раскрывается идея, что наставничество может быть связано с определенным уровнем конфликтности. При этом разрешение подобных противоречий становится возможным лишь спустя определенное время, по мере приобретения рассказчиком пастырского опыта: «Через несколько дней служения я стал ощущать боли в области сердца. Сначала относил их на счет священника кафедрального собора, который, как я считал,

постоянно придирался ко мне и делал несправедливые замечания. Сегодня я понимаю, что так он учил меня, а тогда я скорбел» [19. С. 207].

Формула *реплика / монолог – принятие – осознанное принятие* в большей степени характерна для ситуации наставничества, сопряженного с феноменом духовничества. Здесь речь идет о запланированных или случайных встречах рассказчика с пастырями, обладающими не только богатым опытом духовной жизни, но и особо почитаемыми церковными людьми, признающими их старцами. Следует отметить, что промежуточный компонент формулы «принятие» основан не на твердой уверенности в том, что совет или наставления духовника продиктованы Высшей волей, сколько связаны с авторитетом старца, принятием «за послушание», что не исключает наличие внутренних сомнений, противоречий (без их вербального воплощения). При этом окончательное понимание верности решения духовника и его полное, осознанное восприятие как свидетельства Божьего Промысла происходит спустя определенное количество времени. В этом смысле можно говорить о наличии приема ретроспективы: священнослужитель в своих мыслях обращается к прошлому, вспоминает знаковую для него встречу с духовником, слова последнего и собственную реакцию на них. В данный момент наблюдается возникновение мотивов самоукорения, покаяния и благодарности Богу.

В современной православной литературе все чаще возникают образы признанных подвижников: архимандрита Иоанна (Крестьянкина), протоиерея Николая Гурьянова, духовника Боровского монастыря Власия и т.д. Так, в рассказе Александра Дьяченко «Пересечения» повествуется о нескольких встречах с отцом Власием. Следует отметить, что автор избегает подробного пересказа беседы со старцем; его основное внимание сосредоточено на показе следующих этапов: а) принятие решения о поездке в монастырь; б) пребывание у входа в келью монаха; в) первая встреча и впечатления от нее; г) наблюдение за поведением старца во время богослужения. На каждом этапе рассказчик испытывает смешанные чувства, включающие страх, сомнения, удивление. В сознании повествователя сталкиваются две противоположные тенденции: одна связана с личными представлениями о своем призвании (предпочитал научную карьеру священству), другая – с благословением епископа на рукоположение. С этим противоречием связан и тот факт, что решение о поездке к старцу принимается в обстановке, на первый взгляд, не располагающей к аскетике (лежа в ванне, рассказчик размышляет о том, как ему избежать хиротонии: «...нежусь, наслаждаюсь найденным решением и теплой водичкой» [Там же. С. 211]).

Своеобразным испытанием для рассказчика становится ситуация у входа в келью старца. С одной стороны, надпись на двери «Не заходить» могла разубедить его в целесообразности посещения, с другой – вышедший ему навстречу монах стал живым свидетельством воли Творца относительно человека, сомневающегося в необходимости принятия священного сана. В данном случае в тексте возникает мотив входа, пересечения условной границы бытового и

сакрального, рационального и иррационального, что осложняется дополнительными мотивом – испытанием (препятствием).

Подробности беседы рассказчика со священником в тексте произведения не передаются; повествователь лишь ограничивается лаконичной репликой: «Мой вопрос разрешился в течение минуты...» [19. С. 212]. В процессе изображения последующих встреч с отцом Власием и другими духовниками повествователь фиксирует внимание на исходящих от них кратких репликах или действиях сакрального характера, смысл которых становится понятным ему лишь через время. На данном этапе, следуя совету старца, повествователь не до конца осознает ее как волю Бога, о чем свидетельствуют чувства тоски и отчаяния, сопровождающие повествователя накануне таинства: «Скажу честно, ехал на хиротонию, как на казнь, малодушествовал и впадал в уныние» [Там же. С. 114].

Еще один пример непонимания и отсроченного принятия слов духовника можно встретить в произведении архимандрита Тихона (Шевкунова) «“Несвятые святые” и другие рассказы», в котором архимандрит Серафим произносит притчу об уехавшем в Москву послушнике. Подлинный смысл высказывания до определенного момента остается непонятным для слушателя, а постигается лишь через время. Передав в лаконичной форме содержание притчи, старец утрачивает позицию говорящего, отказываясь от возможных пояснений и комментариев. Дальнейшие психологические и духовные противоречия повествователя могут быть выражены с помощью схемы: *непонимание / равнодушие – понимание / протест – принятие «за послушание» – осознанное принятие*.

При исследовании наставнического уровня необходимо учитывать локус взаимодействия персонажей-пастырей. Следует отметить, что наиболее важные советы, влияющие на последующую жизнь, рассказчик получает в сакральном пространстве храма или в его главной части – алтаре. Так, судьбоносное решение отца Иоанна (Крестьянкина) относительно повествователя книги «Несвятые святые» было озвучено во время богослужения; реплика Оптинского духовника Илия («А ты, брат, больше не греша») [Там же. С. 127]), адресованная автору рассказа «Пересечения», также прозвучала во время священнодействия. Литургическое пространство способствует выявлению особой духовной миссии пастыря, раскрывает его тесную связь с Богом, что проявляется не только в словах, но и в действиях, наполненных явным метафизическим смыслом.

Рассматривая контекст наставничества, необходимо отметить его замкнутый характер. Присутствие «третьих лиц» (участников, свидетелей) в данном случае не представляется возможным, что обусловлено иерархическими ограничениями и представлениями о сакральном характере подобного взаимодействия. Последнее наиболее актуально для беседы пастыря со своим духовником.

При описании подобных встреч автор обращается к портретным характеристикам монахов. В случае с отцом Власием внешность духовника изображается крайне лаконично, штрихообразно: «...еще совсем не

старый человек в подряснике и унтах...» [19. С. 212]. Однако указание на возраст старца способствует разрушению стереотипных представлений о подвижниках, сформированных в сознании большинства верующих людей. Во время случайной встречи с отцом Илием рассказчик оказывается заложником собственных ошибочных представлений: «Смотрю, заходит к нам в помощь старенький согбенный батюшка. Я решил, что это – кто-то из старичков, на покое доживающих свой век при монастыре» [Там же. С. 222]. Подобной ошибкой объясняется и выбранный священником снисходительный тон во время общения с известным пастырем.

Контрастное изображение внешности монаха-подвижника присутствует в книге архимандрита Тихона (Шевкунова) «“Несвятые святые” и другие рассказы». В главах, посвященных духовнику повествователя отцу Иоанну (Крестьянкину), дается двойное изображение по принципу *в быту / в процессе реализации наставнической функции*. Бытовые характеристики обладают подчеркнуто десакрализованным характером; в портрете старца доминируют черты обыкновенного человека, не имеющего отношения к аскетическим подвигам: «...такой очень добрый старичок, весьма крепкий <...>, вечно куда-то спешащий, даже суетливый...» [20. С. 39]. Однако облик отца Иоанна меняется во время озвучивания им судьбоносного для рассказчика решения: «Мы расстались с ним полчаса назад, но тут он сразу показался мне каким-то необычным – сосредоточенно-строгим» [Там же. С. 49].

Рассмотрев наставнический уровень взаимодействия персонажей приходской литературы, следует обратиться к еще одному, обладающему особой спецификой – товарищескому. В данном контексте представленные выше коммуникативные модели подвергаются существенной трансформации, так как снятие иерархических барьеров между находящимися в товарищеских отношениях пастырями способствует исчезновению мотива молчания; повествователь обретает позицию не только слушающего и «немного свидетеля», но и говорящего. На первый план в данном контексте выходят личные отношения персонажей, связанные с многолетней дружбой, родственными связями и т.д. Типичной коммуникативной формулой в данном случае является следующая: *реплика / монолог – реплика / монолог*.

Данная трансформация позволяет говорить об ослаблении влияния элементов жанра литературной исповеди на приходскую прозу, смещении акцентов с сакрально-богослужебной на бытовую сторону действительности. Повествователь в данном контексте предстает перед читателем прежде всего рядовым человеком, имеющим свои частные интересы и психологические установки. Параллельно с этим наблюдается большее внимание к внешней, событийной стороне действительности. Требуемая от литературной исповеди акцентировка на внутреннем состоянии человека утрачивает доминирующую роль.

Товарищеский уровень взаимоотношений реализуется в ситуациях поддержки в трудных жизненных обстоятельствах, реализации общих интересов (хобби), при возникновении курьезных случаев.

Ситуация поддержки в трудных жизненных обстоятельствах раскрывается в диапазоне *серьезные испытания / мелкие неприятности*. И то, и другое выпадает на долю рассказчика, который вынужден обращаться к товарищам-священнослужителям за помощью или советом. Проиллюстрировать специфические особенности товарищеских взаимоотношения персонажей применительно к ситуации поддержки можно на примере произведения протоиерея Александра Шантаева «Между небом и Львами». Столкнувшись с трудностями, связанными с неожиданной командировкой, рассказчик обращается за советом к своему другу священнику К. и его супруге. Следует отметить, что включение в число участников беседы жены пастыря является фактором, указывающим на разницу между наставническим и товарищеским уровнями взаимодействия. Если в первом случае присутствие свидетелей или иных участников беседы не предполагается, то для товарищеского уровня подобных ограничений не существует.

Важную роль в данном контексте также играет locus взаимодействия персонажей: разговор происходит за накрытым столом в доме товарища рассказчика: «В пятницу я был в Переславле у своего друга отца К. Мы замечательно посидели: он и матушка всячески меня утешали. За чаем и коньяком в шутку мы придумали самые нелепые варианты, как бы мне избежать монастырской командировки» [21. С. 9]. Непринужденность, доброжелательность, юмористическая окраска беседы подчеркиваются с помощью следующих реплик и комментариев: «раскатиasto засмеялся», «ты, верно, шутишь?», «вот мужики трусы», «послушайте умного человека» и т.д. [Там же. С. 9–10].

Ситуации товарищеского взаимодействия, в основе которых лежат общие интересы внебогослужебного характера, в полной мере представлены в произведении протоиерея Александра Шантаева «Между небом и Львами». Речь идет о взаимоотношениях рассказчика с отцом П., увлеченным краеведением и этнографией. В одном из эпизодов автор следующим образом характеризует встречу с товарищем: «Мы посплетничали о церковной жизни, коснулись неременной нашей с отцом П. темы Ростова и ростовцев, Титова и Артынова...» [Там же. С. 69]. Подобные ситуации предполагают свободный locus взаимодействия персонажей, встречи и общение которых могут быть вписаны в атмосферу дома, семьи, совместной прогулки. В ряде случаев возникает контекст застолья: «Мы пили пиво и разговаривали о разных пустяках, впрочем, любопытных. Отец П. собирает материалы по святыням Ростова Великого» [Там же. С. 18]. В то же время данная ситуация не предполагает расширения системы образов за счет других персонажей: родственников, знакомых, оппонентов. Как правило, беседы на темы, связанные с общими увлечениями, происходят между священниками «один на один». Однако это не связано с иерархическим статусом участников беседы или с сакральностью момента, как во время реализации наставнической функции. Подобная замкнутость персонажной системы объясняется исключительно спецификой общих интересов и

отсутствием иных лиц, готовых разделить подобное увлечение.

Ситуации, связанные с возникновением курьезных случаев, участниками которых становятся персонажи-священнослужители, в последнее время все чаще изображаются в приходской литературе. Священник во многих произведениях представлен и как пастырь, и как частный человек, имеющий интересы, выходящие за рамки богослужебной практики, а также погруженный в решение семейных и бытовых вопросов. Именно в этом контексте могут возникать отдельные анекдотические ситуации, в которые попадают обладающие священным саном персонажи. В качестве примера можно привести случай из рассказа А. Дьяченко «Подарок», в котором изображена попытка священника избавиться от спортивного тренажера, ставшего причиной внутрисемейного курьеза (супруга требовала от священника регулярных тренировок). Анекдотичность данного эпизода связана с тем, что пастырь принимает несвойственную для своего статуса роль: «Рассказывая о достоинствах тренажера, отец Виктор напоминал заправского менеджера по реализации спортивного инвентаря» [19. С. 58]. Еще один пример курьезной ситуации, участниками которой становятся священнослужители, приводится в книге архимандрита Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые». Речь идет об эпизоде, в котором иеромонах Рафаил пытался на полном ходу починить руль своего автомобиля, чем вызвал вполне очевидную реакцию со стороны другого находящегося в салоне пастыря: «И уже забыли о произошедшем, как вдруг с переднего сидения раздался нечеловеческий вопль отца Георгия: “Останови!!! Останови!!!” От этого страшного крика отец Рафаил настолько перепугался, что разом принес в жертву все свои принципы и нажал на тормоза» [20. С. 614].

Очевидно, что подобные ситуации предполагают свободный locus взаимодействия персонажей: события могут разворачиваться в домашней обстановке, во время путешествия и т.д. Единственным исключением становится литургическое пространство храма, где на первый план выходят сакральные аспекты, связанные с основной миссией пастыря. Кроме того, в подобных ситуациях нет ограничений по количеству и иерархическому статусу персонажей. В данных эпизодах могут быть задействованы члены семьи пастыря, его друзья из числа священнослужителей и мирян, прихожане, случайные свидетели.

В рамках представленного исследования была рассмотрена специфика приходской литературы как явления современного литературного процесса, исследовано отражение элементов литературной исповеди в приходских повестях и рассказах, предложены ведущие коммуникативные модели, раскрывающие особенности взаимодействия пастыря-повествователя и его окружения. Кроме того, были выявлены особенности наставнического и товарищеского уровней взаимоотношений персонажей-священнослужителей, проанализированы ключевые ситуации их взаимодействия, раскрывающие специфику обозначенных уровней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Редькин В.А. Духовный реализм как художественный метод современной литературы // Вестник ТвГУ. Сер. Филология. 2018. № 1. С. 71–78.
2. Волков В.В., Гладилина И.В., Скаковская Л.Н. Литература духовного реализма в преподавании русского языка как иностранного // Казанская наука. 2017. № 1. С. 49–54.
3. Казанцева И.А. Концепция мира и человека в современной прозе духовного реализма // Вестник ТвГУ. Сер. Филология. № 1. 2015. С. 52–59.
4. Рецов В.В. Черты «нового реализма» в современной православной прозе // Актуальные вопросы изучения духовно культуры : межд. конф. (Москва, 12–14 мая 2009 г.). Москва ; Ярославль, 2009. С. 141–147.
5. Пращерук Н.В. Современная духовная проза: традиции, смыслы, поэтика : учеб. пособие. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2018. 116 с.
6. Краснякова М.С. Современная православная проза: генезис, основные мотивы, типология сюжетов : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2016. 206 с.
7. Моторина А.А. Русская художественная проза XX – начала XXI века: изображение духовного состояния человека в кризисную эпоху : дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 168 с.
8. Леонов И.С., Корепанова В.А. Поэтика православной прозы XXI века. Москва ; Ярославль : Ремдер, 2011. 122 с.
9. Каплан В. Иерейская проза. Станет ли она литературным явлением? URL: <http://foma.ru/ierejskaya-proza.html> (дата обращения: 12.09.2018).
10. Кононенко Ю. Феномен «священнической прозы». URL: <http://dm-jurevch67.livejournal.com/52847.html> (дата обращения: 09.09.2018).
11. Шантаев А., иерей. Священник. Колдуньи. Смерть. Этнографические очерки сельского прихода. М. : Благо, 2004. 240 с.
12. Жиркова М.А. Исповеди в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1997. 146 с.
13. Патрикеев С.И. Исповедь в поэтике русской прозы первой трети XX в. (Проблемы жанровой эволюции) : дис. ... канд. филол. наук. Коломна, 1999. 181 с.
14. Шантаев А., протоиерей. Асина память: рассказы из российской глубинки. М. : Никея, 2015. 256 с.
15. Михайлова М.В. Молчание и слово (таинство покаяния и литературная исповедь) // Метафизика исповеди. Пространство и время исповедального слова : материалы междунар. конф. (Санкт-Петербург, 26–27 мая 1997 г.). СПб. : Изд-во Института Человека РАН (СПб Отделение), 1997. С. 9–13.
16. Лисняк А., протоиерей. «Сашина философия» и другие рассказы. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2014. 288 с.
17. Леонов И.С. «Пограничный» персонаж в прозе Александра Дьяченко: типология и приемы создания // Русский язык за рубежом. 2018. № 4. С. 109–115.
18. Леонов И.С. Образ сопутствующего персонажа в современной приходской прозе: функции и приёмы создания // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Русская филология. 2017. № 2. С. 89–96.
19. Дьяченко А., священник. Плачущий ангел: Рассказы и очерки. М. : Никея, 2010. 256 с.
20. Тихон (Шевкунов), архимандрит. «Несвятые святые» и другие рассказы. М. : Изд-во Сретенского монастыря; ОЛМА Медиа Групп, 2011. 640 с.
21. Шантаев А., священник. Между небом и Львами. Записки на полях церковного года. М. : Артос-Медиа, 2005. 320 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 28 июня 2018 г.

The Tradition of the Literary Genre of Confession in the Parish Prose of the 21st Century: The Contexts of “Mentoring” and “Partnership”

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 442, 32–39.

DOI: 10.17223/15617793/442/4

Ivan S. Leonov, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russian Federation). E-mail: mamif.lis@rambler.ru

Keywords: literature of spiritual realism; Orthodox fiction; parish prose; literary confession; mentoring; partnership.

The article is devoted to the analysis of the specifics of modern Russian parish prose. It examines a number of substantive and formal features that distinguish this literary phenomenon from close, but not synonymous ones: literature of spiritual realism, Orthodox fiction, spiritual prose, missionary prose. Parish essays and stories of Archpriests Alexander Shantaev, Alexander Dyachenko, Alexy Lisnyak and a book *“Unholy Saints” and Other Stories* by Archimandrite Tikhon (Shevkunov) are the material for the study. The study shows that “parish prose” is one of the varieties of Orthodox fiction; it includes phenomena of literature which are different in genre and style. Parish prose actualizes issues of metaphysics and axiology in terms of a clear religious and confessional consolidation; it includes elements of autobiography and documentalism, pays attention to detail, tends to an objective reflection of modern rural (parish) realities. Parish prose also has the features of the genre of literary confession, which is reflected in parish stories and short stories. The features are: the change of focus from events to psychology, the story of the spiritual experience of the narrator, inclusions of elements of prayer and preaching discourses in the texts. The priest is engaged in the liturgical and ceremonial as well as everyday household spheres of the parish world thus constantly going beyond the church space; therefore, he loses the position of the speaker and becomes a listener or a mute witness to what is happening. The weakening or loss of the verbal level of communication does not exclude the deep inner dialogue of the priest with other characters, which is expressed by means of universal formulas in the poetics of literary texts. These formulas are: (a) a conversational turn / monologue and analysis; (b) a conversational turn / monologue and prediction; (c) a conversational turn / monologue and prayer. In the context of “mentoring”, in which the image of the priest acquires a student’s function and hierarchical relationships are established between the characters, there is a complication of communicative models associated with the retrospection device. In this case, the formulas are: (a) a conversational turn / monologue – protest – reconciliation; (b) a conversational turn / monologue – acceptance – conscious acceptance. The study of the context of “partnership” leads to the conclusion about the weakening of the influence of the traditions of the genre of literary confession on parish stories. This is evidenced by the shift of emphasis from the inner life of the priest to the outer one, the expansion of the event series, the loss of the priest’s position of “listener” and “silent contemplator”, the verbalization of communication. The previously stated communicative models undergo changes expressed by the formula “a conversational turn / monologue and a conversational turn / monologue”.

REFERENCES

1. Red’kin, V.A. (2018) Spiritual realism as a creative method of contemporary literature. *Vestnik TvGU. Ser. Filologiya – Herald of Tver State University Series: Philology*. 1. pp. 71–78. (In Russian).
2. Volkov, V.V., Gladilina, I.V. & Skakovskaya, L.N. (2017) Literatura dukhovnogo realizma v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo [The literature of spiritual realism in teaching Russian as a foreign language]. *Kazanskaya nauka – Kazan Science*. 1. pp. 49–54.

3. Kazantseva, I.A. (2015) Kontseptsiya mira i cheloveka v sovremennoy proze dukhovnogo realizma [The concept of the world and man in modern prose of spiritual realism]. *Vestnik TvGU. Ser. Filologiya – Herald of Tver State University Series: Philology*. 1. pp. 52–59.
4. Retsov, V.V. (2009) [Features of the “new realism” in modern Orthodox prose]. *Aktual'nye voprosy izucheniya dukhovno kul'tury* [Topical issues of the study of the spiritual culture]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 12–14 May 2009. Moscow; Yaroslavl: Remder. pp. 141–147. (In Russian).
5. Prashcheruk, N.V. (2018) *Sovremennaya dukhovnaya proza: traditsii, smysly, poetika* [Modern spiritual prose: traditions, meanings, poetics]. Yekaterinburg: Ural State University.
6. Krasnyakova, M.S. (2016) *Sovremennaya pravoslavnyaya proza: genesis, osnovnye motivy, tipologiya syuzhetov* [Modern Orthodox prose: genesis, basic motives, plot typology]. Philology Cand. Diss. Voronezh.
7. Motorina, A.A. (2018) *Russkaya khudozhestvennaya proza XX – nachala XXI veka: izobrazhenie dukhovnogo sostoyaniya cheloveka v krizisnyuyu epokhu* [Russian fiction of the 20th – early 21st centuries: the depiction of the spiritual state of a person in a crisis epoch]. Philology Cand. Diss. Moscow.
8. Leonov, I.S. & Korepanova, V.A. (2011) *Poetika pravoslavnoy prozy XXI veka* [Poetics of Orthodox prose of the 21st century]. Moscow; Yaroslavl: Remder.
9. Kaplan, V. (2010) Iereyskaya proza. Stanet li ona literaturnym yavleniem? [Priestly prose. Will it become a literary phenomenon?]. *Foma*. 1 (81). [Online] Available from: <http://foma.ru/iereyskaya-proza.html>. (Accessed: 12.09.2018).
10. Kononenko, Yu. (2010) Fenomen “svyashchennicheskoy prozy” [The “priestly prose” phenomenon]. [Online] Available from: <http://dm-jurevch-67.livejournal.com/52847.html>. (Accessed: 09.09.2018).
11. Shantaev, A. (2004) *Svyashchennik. Koldun'i. Smert'. Etnograficheskie ocherki sel'skogo prikhoda* [A priest. Witches. Death. Ethnographic essays of a rural parish]. Moscow: Blago.
12. Zhirkova, M.A. (1997) *Ispovedi v romane F.M. Dostoevskogo “Brat'ya Karamazovy”* [Confessions in the F.M. Dostoevsky's novel “The Brothers Karamazov”]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
13. Patrikeev, S.I. (1999) *Ispoved' v poetike russkoy prozy pervoy treti XX v. (Problemy zhanrovoy evolyutsii)* [Confession in the poetry of Russian prose of the first third of the twentieth century. (Problems of genre evolution)]. Philology Cand. Diss. Kolomna.
14. Shantaev, A. (2015) *Asina pamyat': rasskazy iz rossiyskoy glubinki* [Asya's memory: stories from the Russian hinterland]. Moscow: Nikeya.
15. Mikhaylova, M.V. (1997) [Silence and word (sacrament of repentance and literary confession)]. *Metafizika ispovedi. Prostranstvo i vremya ispovedal'nogo slova* [Metaphysics of confession. The space and time of the confessional word]. Proceedings of the International Conference. Saint Petersburg. 26–27 May 1997. St. Petersburg: Izd-vo Instituta Cheloveka RAN (SPb Otdelenie). pp. 9–13. (In Russian).
16. Lisnyak, A. (2014) *“Sashina filosofiya” i drugie rasskazy* [“Sasha's Philosophy” and other stories]. Moscow: Izd-vo Sretenskogo monastyrya.
17. Leonov, I.S. (2018) The boundary character in the prose of Alexander Dyachenko: Typology and techniques of creating. *Russkiy yazyk za rubezhom – Russian Language Abroad*. 4. pp. 109–115. (In Russian).
18. Leonov, I.S. (2017) The image of the companion character in the modern parish prose: The functions and methods of creating. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. Russkaya filologiya – Bulletin of the Moscow State Regional University (Russian Philology)*. 2. pp. 89–96. (In Russian). DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-89-96
19. D'yachenko, A. (2010) *Plachushchiy angel: Rasskazy i ocherki* [A crying angel: Stories and Essays]. Moscow: Nikeya.
20. [Shevkunov], Tikhon. (2011) *“Nesvyatye svyatye” i drugie rasskazy* [“Unholy saints” and other stories]. Moscow: Izd-vo Sretenskogo monastyrya; OLMA Media Grupp.
21. Shantaev, A. (2005) *Mezhdu neбом i L'vami. Zapiski na polyakh tserkovnogo goda* [Between the sky and Lvy. Notes on the margins of the church year]. Moscow: Artos-Media.

Received: 28 June 2018